

16+

Госпожа Ректор

АННА АЛОРА

Анна Алора

Госпожа Ректор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67913403

SelfPub; 2022

Аннотация

Да разве могла Квини подумать, куда ее занесет?! – Верни меня домой, слышишь, ты, маг недоделанный! – закричала девушка и от злости затопала ногами. Оказавшись в мире, лишенном магии, она застряла тут на целых семь лет. Зато нашла любовь. И на тебе – вернулась назад!

Вовка...Где ты, Вовка, – прошептала леди Ректор, глядя в темное окно, – мне тебя так не хватает...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна Алора Госпожа Ректор

Пролог

Леди Макони быстро шла по коридору. Ее темные волосы, собранные в аккуратную прическу, несколько растрепались. Пара локонов выпала и так и норовила попасть леди то в раскрытые в негодовании глаза, то в раздувавшийся от того же негодования носик.

Приличное платье длиной в пол, и то, казалось, воинственно шуршало всеми своими подъюбниками. Его фалды развевались как штандарты на вершине замка в ветреный день.

Щеки леди тоже не отличались обычной арктической бледностью. Наоборот, цветом они приближались к пламенеющему закату.

Наконец Макони подошла к объекту, вызвавшему у нее столь сильное негодование. Она остановилась перед высокой, выложенной серебряными плитками дверью и перевела дыхание.

– Негоже врываться к ректору без предупреждения?! Может быть, и негоже. Но ведь это уму непостижимо! – возмущенно думала девушка. Тем не менее, она была представите-

лем знатного аристократического рода, имея уже на генном уровне пропечатанные манеры.

Леди Макони отдышалась, поправила прическу и решительно открыла дверь. Дверь поддалась ее решительности с трудом, ибо была тяжела на подъем и имела весьма почтенный возраст.

Тяжелый механизм заскрипел, охнул и с протяжным стоном дверь открылась. Макони остановилась в проеме и со словами:

– Вы не заняты, госпожа ректор? – прошла в кабинет.

Он был огромен. Громадный, старинный, метров под пятьдесят, не меньше. Причем практически пустой. На такой площади помещались только рабочий стол, правда, весьма приличных размеров, и несколько стульев вида старинного и сурового.

За столом сидела маленького роста дама в маленькой же шляпке на темных, без проблеска седины волосах, и упорно что-то писала, поминутно чертыхаясь сквозь зубы.

Зубы у дамы были белые, ровные, только чуть сточенные впереди. Привычка. Привыкла она во время работы, а работала дама практически без перерыва, грызть карандаш.

Она не обратила никакого внимания на вошедшую, ибо только-только начала разбираться в манускрипте, исписанном каракулями великого мага от теории магии лорда Феми-ни.

Леди Макони пришлось несколько раз покашлять, и каж-

дый раз громче предыдущего.

Наконец дама подняла голову, и довольно рассеянно взглянула на вошедшую.

– Леди Макони! Рада вас видеть у себя, – она почти проворковала, однако глаза ее то и дело пытались вернуться к незаконченному.

– Госпожа ректор, взаимно, – вежливо и достаточно холодно проговорила Макони. Девушка понемногу остывала.

– Однако, что привело вас ко мне, дорогая? – с некоторым удивлением в голосе спросила ректор и даже перестала косить глазом в манускрипт.

– Эмм... – начала леди Макони, – я не привыкла жаловаться, вы знаете, – тут дама ободряюще кивнула головой, – но... Дело в том, что наш новый профессор, лорд Локко Фемини, – при упоминании этого имени, дама несколько скривилась, но быстро натянула приличествующую случаю мину, – Его манеры, поведение оставляют желать лучшего! – выпалила наконец леди Макони и облегченно выдохнула.

– Хмм... – нахмурилась дама, и в тоже время на ее лице промелькнула и пропала мечтательная улыбка, – и в чем же все это выражается?

– Да он меня преследует! Преследует. Жизни не дает, – пожаловалась леди Макони, опустив глаза долу.

– Ну, при такой наследственности... – дама вздохнула. – Так чем я могу вам помочь?

Леди Макони набралась смелости и выпалила:

– Прошу, прошу, отправьте меня в новый филиал, на самый север герцогства! Там освободилось место, я знаю.

Выпалила и замолчала.

Потому что место действительно освободилось. Место директрисы.

На самом деле, со стороны леди Макони таковая просьба вовсе не была совершенной наглостью. Опыта ей было не занимать. Общение как с юными магинями, так и юными магами давалось весьма неплохо. Да и, чего греха таить, такова была мечта нашей Макони.

В глубине души и сердца девушка мечтала о большем. Она мечтала о школе. Своей школе, где бы с детьми проводились занятия по современным методикам, а не только по этим, так называемым «испытанными временем».

Конечно, Макони понимала, что новое – это хорошо забытое старое. Но какая разница, раз этого старого никто уже и не помнит?

А пока... Пока можно начать с места директрисы, вот!

Госпожа ректор откинулась на спинку стула, который был для нее великоват, и потому ей пришлось практически лечь, что было совсем неудобно.

– Надо менять мебель, надо, – подумала ректор. Она прикрыла глаза, и пребывала в задумчивости все это время.

– А как слухами земля полнится, однако. Ведь только-только проводили милую Сияну. Бывшая директриса действительно была мила, почему и не засиделась в новой

должности. Вышла замуж и укатила на другой конец герцогства, – Подставила нас, конечно. Но что делать? Любовь. Однако оставить новый филиал без директрисы никак нельзя.

Пришлось госпоже ректору быстро вспомнить весь послужной список леди Макони, и она с удивлением поняла, что та и правда вполне подходящая кандидатура на освободившуюся должность.

Наконец дама открыла глаза. И зорко взглянула на затаившую дыхание девушку, которая стояла выпрямившись и не сводила глаз с руководительницы.

– А почему бы и нет? – решила госпожа ректор, и сказала:

– Я подумаю над вашей просьбой, дорогая. О своем решении сообщу в самое ближайшее время.

Глава 1

Леди Квинния, отпустив взволнованную девушку, встала с неудобного кресла и, потирая затекшую от неудобного положения поясницу, стала прохаживаться по кабинету. Ей было просто необходимо движение. Должность ректора настолько утомляла и настолько мало ей подходила, что, по чести говоря, дама с удовольствием отдала ее хоть той же леди Макони.

А что? Девушка молодая, амбициозная, знающая. Более того, постоянно стремящаяся эти знания улучшать, обновлять. Или как там говорили, «повышать квалификацию».

Временами леди Квинния весьма тосковала по этим «там». Вот спроси ее, где этот мир, разве сможет она сказать или показать туда дорогу? Нет. Нет, к сожалению.

А может быть, и к счастью.

Иной раз леди Квинния закрывала глаза, и видела воочию свой маленький домик, стоящий в самом конце поселения, окруженный садом и приличного размера огородом. Целых восемь, а вовсе не шесть соток.

Сияющая Мать... Этот мир, первозданный, где магии пшик. Мир, в который она попала так неожиданно.

Леди Квиннию бросило в воспоминания. То ли визит леди Макони, то ли упоминание ею старого теперь уже прохиндея лорда Ниоко-младшего было тому причиной, кто знает?

Да и не все ли равно?

Бывают, бывают такие дни, когда ты перестаешь ценить то, что имеешь, то, что есть сейчас. И уносишься на крыльях в далекую даль. В те времена, когда ты была счастлива. Счастлива, и любима.

И леди Квинния, ректор Лонельской Академии эмпатов, разрешила себе, позволила в них окунуться. Правда, куда как комфортнее было бы это сделать дома, в выделенном ей громадном же особняке, положенным по положению, но...

Воспоминания не спрашивают, когда им прийти. А приходят, когда им вздумается, невзирая ни какие обстоятельства.

Она даже забыла о брошенном на столе манускрипте по теоретической магии от маэстро Фемини-старшего, что было с ее стороны совершенно необычно.

Леди Квинния сняла вечную маленькую шляпку, увенчанную простой серебряной брошкой в виде маленькой капельки, и распустила свои, без признаков седины, волосы.

И погрузилась в воспоминания, не забыв однако предварительно подойти к двери, и закрыть ее на простой, обычный такой засов. Потому что магия- не магия, а чтобы такой засов открыть, нужна сила лесного великана, коих, Слава Сияющей, давно уже в этих краях не водилось.

Ушли, ушли далеко на запад, и следов не оставили.

Воспоминания накатывали волнами. Она то видела себя совсем маленькой девочкой, то уже вполне себе барышней

на выданье. То...

Но начнем же наконец нашу историю.

Давным-давно, жили были и, представьте, дружили две девочки. Одна была спокойная, уравновешенная и деликатная особа, которой повезло родиться с магией Огня. Дар открылся у нее очень рано, и обнаружился уже при первой же проверке детей из магических семей, в три года.

Другая же была ее полная противоположность. Подвижная, бойкая, скорая на ответ и словом, и делом. Вот только, несмотря на пусть довольно дальнейшее, но родство с лордами Сияющими, магия явно чуралась девочки. Ни в три года, ни в семь лет даже ее следов не было обнаружено.

Первой была матушка лорда Кивали, о котором мы так много говорили в первой книжке “Жена для Главы Ковена”, а второй – леди Квинния, как вы уже догадались.

Квини, как называли ее в семье, конечно, в глубине души страшно переживала по этому поводу. Но вот вида, вида никогда не показывала. Всегда и везде держала хвост пистолетом.

Выросли девочки.

Первая удачно вышла замуж за блистательного лорда Сияющего, а вторая... Судьба второй была в своем роде незавидна. Кому, скажите, нужна в женах девушка, у которой магические потоки перекрыты полностью? Всем нужны наследники, всем нужны наследницы, да только с даром. А какой

дар может передать детям такая мать? Верно, никакого.

Безусловно, бывали случаи, и не такие уж редкие, когда у детей проявлялся дар отца. Но был он значительно слабее.

Так что пришлось Квини делать вид, что замужество ей совершенно не интересно. И кинулась девушка получать образование в области теоретической магии. А что? Теоретики занимали довольно почетное место в Лотании. Практиков и так хватало.

Случилось так, что засиделась девушка над фолиантами у своего магического руководителя за полночь. Пора бы и домой. Она растерла слезящиеся глаза руками, зевнула и стала собирать материал, дабы наутро засеть за него как следует.

Надо сказать, что Квини была достаточно хороша собой и привлекала внимание мужчин. Но что ей до их внимания, когда замуж-то не брали?

Правда, на нее заглядывалась пара теоретиков с отделения, но ведь, засранцы, в жены тоже предпочитали магинь!

Засада.

Квини тяжело вздохнула, забрала тяжеленный фолиант и отправилась восвояси.

Но не успела она выйти за пределы дома, как услышала:

– Нет! У меня получится. У меня получится! – чей-то голос повторял и повторял, – Я докажу ему!

Квини осторожно выглянула из-за угла, и увидела мальчишку лет двенадцати, который упорно делал пассы руками и что-то бормотал в перерывах.

Он был весь мокрый от напряжения.

– Это ведь сын наставника? – подумала девушка. – Точно, он. Говорят, у него с магией Перемещения проблемы. Она вздохнула, и, не желая мешать страдальцу, пошла себе потихоньку. Однако далеко уйти ей не удалось.

У паршивца получилось. Один-единственный раз, после чего магия опять заснула глубоким сном, и очнулась только в двадцать лет.

А наша леди Квинния, будущий маг-теоретик, отправилась в неизвестность.

Неизвестность встретила девушку приятным шумом могучих деревьев и запахом, от которого сразу закружилась голова. Квинни свалилась на что-то мягкое и довольно упругое. Это упругое под ней издало низкий звук, похожий на тараканье повозки по булыжной мостовой, и дернулось.

Квинни с испугу подскочила, и откатилась подальше. Существо, а это явно было существо, задвигалось, и перевернулось на бок. Через мгновение оно открыло рот, что-то сказало, и голова у Квинни закружилась еще сильнее.

Девушка крутила головой во все стороны, совершенно не понимая где она. Вот что с ней случилось, это она понимала. К великому своему сожалению. Ибо понимание это было невыносимо.

Невыносимо настолько, что она даже забыла о существовании рядом с ней, которое, слава Сияющей, заснуло, кажется. По

крайней мере, никакого движения с его стороны не чувствовалось.

Квини даже зашипела сквозь стиснутые зубы:

– Ах ты ж маленький поганец... Ах ты ж маг недоделанный...

Конечно, такие выражения в устах молодой девушки никуда не годились, но, как мы знаем, Квини была существом бойким и за словом в карман не лезла, никогда.

Тут она почувствовала, что ее желудок того и гляди вывернется наизнанку. Этот запах!

Пахло на редкость отвратительно. Запах был резкий, сладковатый, и, к сожалению, знакомый. Пару раз леди Квини случилось отравиться, поэтому ей сложно было его с чем-то спутать.

Девушка быстро отошла как можно дальше от его источника, да только источник этот, казалось, был везде.

– Сияющая Мать... Это ... Это совершенно невозможно... – и бедняжку стошнило в свою очередь.

Квини отерла губы платочком, который, вот счастье, оказался в карманчике платья, и ей ощутимо полегчало. Нет, запах никуда не делся. Он так и витал в воздухе. Но теперь ей был ясен его источник. Им являлось это существо. Существо, которое, казалось, заворочалось и начало подавать звуки.

Невнятные звуки перешли в довольно отчетливые, но Квини все одно разобрать их не могла.

Она настороженно смотрела в сторону существа, а сама старательно продвигалась как можно дальше от него.

– Как говорится, береженого и Сияющая Мать бережет, – подумала девушка, поглядывая в сторону источника неприятного запаха.

Источник же наконец с трудом принял сидячее положение, охнул, хорошо, от души матернулся и вытащил из-под органа, не упоминаемым в приличном обществе, тяжеленный фолиант. Тот самый, что несла домой наша Квини.

– Айй! Что это за книга? Откуда? Однако... Однако какой интересный экземпляр, – заинтересованно сказала существо, и начало шарить руками вокруг.

Конечно, Квини ни слова не понимала, но интонации и собственно, саму причину, как не понять?

Увидев фолиант драгоценного учителя в руках существа, девушка, не медля ни минуты, птицей метнулась к нему, протягивая руки.

Володя Савельев, который только-только пришел в себя после очередного, накатившего, как обычно, совершенно неожиданно, приступа жесточайшей мигрени, от неожиданности свалился на матрас. Матрас сей был не простой, а надувной, и как раз в гараже, стоящим на окраине села, хранимым и используемым для определенного рода нужд.

Володя приходил сюда обычно раз в неделю, пытаясь привести в порядок оставшийся от дядьки мотоцикл. Он смутно

помнил, как вечером принес пару литров бензина, дабы промыть как следует уже подготовленные для сборки детали.

А сейчас, падая, левой ногой, обутой в видавший виды сапог, поддал этой бутылки, да как следует. Она издала тихий звон, и помещение гаража наполнилось непередаваемым ароматом.

Глаза Володи налились слезами, которые так и брызнули, так и потекли, застревая в заросшем щетиной лице.

И за слезами этими, туманящими его и без того мутный взор, несчастный, заикаясь, завопил что было сил:

– Женщина! Да вы что себе позволяете?... Да кто вы такая?! – тут дар речи окончательно отказал Володе, лишившемуся надежды на сборку необходимого транспорта.

Женщина, которой была именно наша Квини, выхватила фолиант, остановилась на мгновение, и ее лицо стало наливать синевою.

– Сияющая Мать!.. Опять этот смрад... Меня сейчас стошнит, – и девушка чуть не свалилась, но нашла в себе силы как можно дальше отойти от нового источника невыносимого запаха.

При этом фолиант Квини прижимала к себе, не желая с ним расставаться в этом не гостеприимном месте.

Ей удалось-таки не свалиться, а тихо, невзирая на неподходящую для этого одежду, отползти подальше.

Володя же, чуть придя в себя, не обращая никакого внимания на нее, двинулся к разбитой бутылки.

К его великому сожалению, вся жидкость успела впитаться в солому, коей тут было множество.

– Эхх... Опять к деду Паше придется идти, – закручинился Володя, глядя на пострадавшую бутылку как на почившую верную подружку.

Он постоял, повздыхал. Резко пахло бензином. И голова Володи не выдержала новой напасти, и закружилась. Мужчина медленно вернулся к своему матрасу, лег, отвернувшись к стене, и постарался дышать как можно осторожнее.

– Неужели проклятый приступ повторится? – с ужасом подумал он, и начал массировать виски круговыми движениями.

Конечно, он знал, что в случае приступа никакой массаж не поможет. Но мало ли. Утопающий хватается и за соломинку.

Тут Володя почувствовал мерзкий запах и повернул голову. Повернул и увидел, что лежит практически в луже собственной блевотины.

Похоже, его вчера вырвало.

Глава 2

Квини, которую этот запах чуть не довел до очередного приступа тошноты, решительно двинулась вон из этого непонятного помещения. Вон от этого ужасного запаха и не менее ужасного существа.

В тусклом свете девушке удалось разглядеть, что существо это было, несомненно, мужского пола. Одежда, чрезвычайно странная и неряшливая, говорила об этом. Да и щетина. Да и голос его был явно не женским.

Квини заволновалась.

Существо, правда, вело себя мирно, никоим образом не приближалось к ней, а опять вернулось в место своего обитания и, похоже, забылось мертвым сном.

Девушка, тем не менее, нашла дверь, которая была изнутри заперта на ржавый, выдавший виды, засов. Для того, чтобы его открыть, ей пришлось оторвать от груди фолиант, и положить его на явно немывтый не одну декаду пол.

– На что же я похожа! Мое платье, о Сияющая... – чуть не застонала она. Квини только могла предположить, на что, потому что темновато было в гараже, лишь затянутая паутиной одинокая лампочка при входе давала какой-то свет. Тусклый, мрачный, но позволяющий хоть что-то разглядеть и приблизиться к двери.

Так что девушка взялась обеими руками за ржавый засов,

и с трудом его вытащила из ржавой же петли.

Толкнула дверь, и оказалась наконец на воздухе. На свежем воздухе!

Квини стояла, дышала и не могла надышаться.

– А повезло же мне, Сияющая Мать! – вдруг подумала девушка. – Здесь, похоже, лето. Или поздняя весна. По крайней мере, достаточно тепло даже ночью.

Ночь действительно стояла теплая, был самый разгар лета, стоял сенокос.

Воздух пах лесом, травой, мхом. Откуда-то слышались слабые, редкие звуки. Похоже, это ночные птицы вылетали на охоту и сообщали зазевавшемуся зверьку, что его час пробил.

Над сараем царила ночь, во всем ее великолепии и во всей ее темноте.

По крайней мере, Квини постояла, подышала и, будучи девушкой весьма здравомыслящей, к тому же весьма сведущей в магии, пусть и теоретической, решила таки вернуться в помещение.

До утра.

До того момента, когда рассветет и она сможет понять, где же оказалась, в конце-то концов.

Однако коротать ночь до рассвета в таком неприятном соседстве ей придется впервые.

Вот тут Квини чуть не расплакалась. Но наклонилась, забрала свой фолиант и вошла внутрь, оставив, однако, дверь

широко распахнутой.

Села рядом с ней, у стены. Положила фолиант рядом с собой, обняла колени и положила на них голову. Длинная темная коса, заколотая на затылке, придерживалась маленькой шляпкой с серебряной брошкой в виде капельки дождя.

Глаза Квини сами собой закрылись, и, несмотря на непривычную позу, девушка отправилась в объятия Морфея.

И объятия эти были столь крепки, что она даже не сразу почувствовала, как кто-то весьма нетерпеливо трясет ее за плечо.

Когда девушка раскрыла глаза, то даже не поняла, где она, что с ней, и кто этот субъект. Однако Квини хватило достоинства сбросить руку нахала со своего плеча, и осведомиться:

– Что вы себе позволяете, хам! – проговорив последнее слово, Квини удивилась так, что и сказать нельзя. Откуда это слово вообще взялось?! До сего момента она ничего подобного не слышала, повторить не могла, и значения не знала.

Однако, судя по всему, словечко оказалось верным и в самую точку, потому что субъект руку отдернул и с отчетливой обидой в голосе произнес:

– А вот ругаться, мадам, вам никто права не давал! Врываетесь, понимаешь ли, в помещение, переступаете порог чужой собственности, без всякого на то разрешения со стороны владельца. Мешаете ему, – тут субъект несколько замялся, но продолжил с еще большим напором, – культурно отды-

хоть! Между прочим, в свой законный выходной, законный!

– И позволяете тут себе! Выражения попрошу выбирать получше, – очевидно, выдав все, на что был сейчас способен, субъект закончил значительно тише.

Квини мгновенно замолчала, с удивлением осознавая, что набор звуков, который издавал субъект, для нее таковым уже не является. Она прекрасно понимала, что это слова, и смысл многих был совершенно ясен.

Ну, мы-то с вами, читатели мои, не удивлены, верно? Ведь Тася, главная героиня романа «Жена для главы Ковена» после первой ночи, проведенной в другом мире, так же начала понимать чужой язык и говорить на нем.

А чем хуже наша Квинни? Ничем, совершенно.

Очевидно, такая вот выходило, когда субъект из родного мира попадал в другой. Мгновенная подстройка чего-то там в мозгу, и вот вам результат. Возможно, такое происходило не во всех мирах. Но нам сейчас, право, нет до этого никакого дела. В нашем случае получилось именно так.

Так что Квинни поудивлялась чуток, да и вспомнила кое-что из трудов дорогого учителя, который остался где-то там, далеко, в родном мире. И из глаз далеко не сентиментальной барышни выкатились крупные прозрачные слезы.

Субъект, строго ее отчитывающий, а это был не кто иной, как наш пришедший в себя после приступа Володя, увидев результат, который произвел его спич, несколько ошалел.

Ну не привык он к тому, чтобы его речи приводили дам

в слезы. Скорее, бывали некоторые дамы, способные его довести до белого каления, но никак не он.

Володя был существом с нежным сердцем и доброй душой. Росточка не сказать чтоб великого, но под метр семьдесят пять имел. А что? Вполне себе хороший рост для простого русского мужика. Правда, вот простым мужиком наш Вова не был.

Закончил Володя вполне себе престижный университет в одной из столиц, и занялся обычной научной деятельностью в простом НИИ, оставшимся от советских времен. Да только вот голова у нашего Володи была золотая. Что ни квартал, то открытие у него. Что не эксперимент, то тут и подтверждение гипотезы.

Одним словом, в наш компьютерный век очень быстро на него вышли люди из известной Силиконовой долины, и ну переманивать ценного кадра в свои, американские пенаты.

А Володя что? Кто ж откажется от таковых-то пенат. Но не свезло, не получилось у мужика. Все оказалось до слез просто и обычно. Русский мужик, хоть золотая голова, а оказался с брачком. И брачок этот силиконовая долина раскусила в два счета. Володя, находясь вдали от отчизны, стал тосковать. Да так, что удивлялись выдавшие виды бывшие соотечественники, трудящиеся с ним бок о бок.

Такая на него напала ностальгия, что он и сам диву давался. Со слезами расторг Володя контракт с американской стороной, которая рассталась с мистером Савельефф, тоже

чуть не утирая слезы.

Володя возвратился на родину, кинулся в родной НИИ. Тот принял его с радостью. Еще бы. Такая голова, как у Володи, на земле не валяется. Однако свалилась уже на родимой земле на нашего Володю новая напасть.

Совершенно неожиданно, казалось бы, без всякого на то повода, на мужчину стали нападать приступы мигрени. Да такие, что здоровый молодой мужик просто чуть не падал, и имел единственное желание – лечь в кровать и тихо помереть.

И вот стоит он сейчас, в распахнутом несвежем ватнике, в поношенных джинсах и на голую ногу сапогах, и смотрит на даму, по лицу которой текут слезы.

– Эмм... – Это, я дико извиняюсь, мадам, – смущенно проговорил Володя, и достав из широких штанин старомодных джинсов довольно чистый носовой платок, протянул его растерянной женщине.

Наша Квини посмотрела на проявляющего заботу субъекта, посмотрела на свое платье, и, махнув рукой, приняла платок, который тут же и использовала по прямому назначению, даже забыв о том, что у нее и свой имелся.

Она вытерла слезы и старательно высморкалась, и наконец спросила:

– Я где?!

Володя оторопело взглянул на явно страдающую дамочку, и ответил со всей четкостью, на которую был способен:

– Мадам, вы в моем личном гараже.

На что та замотала головой:

– Нет, что это за место? Мир какой?

Услышав про мир, Володя занервничал. Два последних приступа были достаточно тяжелыми, но вот до галлюцинаций разного рода дело еще не доходило.

– Мир какой? – повторил Володя, и повнимательнее посмотрел на нарушительницу его территории.

Тетка как тетка. Странноватая, правда. Платье вон грязное, длинное. Ну, да сейчас чего только не наденут. Шляпка вон маленькая на голове. Волосы темные, похоже, длинные. Вон как свернуты под той шляпкой да приколоты.

Глаза у незнакомки были серые, темно серые, прямо штормовые.

– Симпатичная видно была в молодости, да и сейчас еще ничего, – подумал вдруг Володя.

Однако эти вот ее слова про мир заставили мужика поежиться. Тут два варианта, – неохотно подумал он. Либо у меня глюки начались, либо у нее.

Ну вот только с людьми, имеющими проблемы с психикой, ему не встречаться не доводилось. Помнится, читал где-то, или говорили коллеги в свое время, что тут главное – не противоречить.

И он ласковым по возможности голосом повторил:

– Мир какой? Так это мир, какой он и есть. Наш вот мир.

Квинни посмотрела на мужика с досадой. Ее подобным

ласковым голосом было не обмануть. Девушка мгновенно сообразила, что субъект этот в просто никуда не годящейся одежде, похоже, считает ее не вполне здоровой.

– Да уж... – подумала девушка, – дикий тут мир, однако. О попаданцах ничего не слышали.

И Квинни, подумав и помолчав минутку, тоже решила не противоречить. А что? Вариант. Где-то в ранних работах маэстро Фемини она видела даже нечто вроде инструкции для попаданцев в миры, далекие от магии, где никто, как правило, не верит в то, что кроме их мира полно и других.

Нет, ну в теории многие соглашались, тем более, посмотрев на звездное небо, сияющее этими мирами в лунную ночь. Но ведь это где-то там, далеко.

А чтобы вот тут, да рядом с таким Володей, заметим, человеком далеко не простым, ученым, как говорится, с прошаренными мозгами...

Вот такое осознание мало кому давалось.

Маэстро прямо и писал: «Если встреченный вами отдельно взятый субъект, при упоминании о другом мире, начинает смотреть на вас странно и говорить голосом, которым разговаривают с малыми детьми, знайте – к несчастью, вы оказались в мире, где попаданцы вроде вас являются великой редкостью.

Мир этот, скорее всего, лишен магии полностью либо энергетические каналы самой планеты пребывают в плачевном состоянии. Самое лучшее, что вы можете предпринять

в таком случае – немедленно вернуться в точку отбытия».

Вспомнила Квини чуть не слово в слово, можно сказать, процитировала на память, и взгрустнула. «Немедленно вернуться в точку отбытия»... Как же!

Подсиропил мне сыночек ваш, учитель. Ох, подсиропил.

Девушка вздохнула, и, посмотрев на ласково глядевшего мужчину, сказала:

– Вы правы, конечно. Что это я... Бессонная ночь, извините. Наш мир, конечно, наш.

– А теперь не соблаговолите ли вы проводить меня в ближайший населенный пункт? – слова, которые произносила Квини, были для нее в новинку, но она понимала их значение.

Слава тебе, Сияющая Мать! Не оставляешь дочь свою в мирах чужих... – и Квини чуть не опустилась на колени, ощутив ее явное благословение. Однако девушка вовремя спохватилась.

Неизвестно, как в таком диком мире этот, с позволения сказать, мужчина, отнесется к подобному проявлению чувств с ее стороны.

Володя, услышав более-менее нормальные речи, хоть его и порядком смутило слово «соблаговолите», несколько успокоился и спросил:

– Отчего ж и не проводить, провожу. Тем более, что этот пункт недалеко. Однако позвольте полюбопытствовать, мадам, как вы оказались в моем гараже?

Квини, которой сказать было нечего, просто развела руками и повинулась:

– Сама в толк никак не возьму. Вроде домой шла, да темно. Заблудилась я, – и девушка, посмотрев на мужчину жалостливым взором, обняла фолиант учителя еще крепче.

Не сказать, чтобы Володя вполне поверил ее словам, однако Квини уже не производила на него впечатление человека, который явно не в ладах с рассудком.

Скорее, его посетила другая мысль.

А не товарищ ли она ему по несчастью?

Может быть, дама тоже страдает приступами мигрени или чего похуже. Ведь и у него бывало, что память подводила.

Если бы Квини знала, о чем подумал Вован, глядя на нее, то, несмотря на весьма крепкую нервную систему, могла бы и в обморок упасть.

Ненадолго, конечно. Ибо не пристало девушке из приличной магической семьи такое прилюдное проявление чувств. А скорее всего, и падать бы не стала, а обошлась одной пощечиной. В любом случае, мысли таковые Володя держал при себе.

– Так мы идем? – нетерпеливо сказала девушка, и даже притопнула ножкой.

Глава 3

Латония. Настоящее время.

Тут раздался громкий стук в дверь, и некто, похоже, еще более нетерпеливый, чем леди Макони, посмел даже дернуть ее как следует. Впрочем, двери это нисколько не помешало стоять твердо и с достоинством.

А вот леди Квиннии, ректору Лонельской Академии Эмпатов, пришлось открыть глаза и еще некоторое время непонимающе смотреть перед собой.

Вторичный удар, уже основательнее сотрясший дверь, окончательно привел женщину в чувство.

Квини вздохнула, возвращаясь в нынешнюю реальность, которая давала о себе знать столь громко, и с неудовольствием простионала:

– Сияющая Мать... Ну что там опять случилось. Ведь знают же, поганцы (ей так нравилось это словцо, подцепленное во время вынужденного пребывания вдалеке от лона родного мира), что приемные часы ректора по вторникам, с четырнадцати до шестнадцати часов каждого месяца.

Но встать пришлось-таки, и подойти к двери, которая уже вся дрожала от негодования. Этакое нарушение регламента! Сегодня среда, между прочим.

Леди Квинния, которая совершенно точно знала, что сегодня именно среда – единственный день, когда она могла

спокойно после обеда поработать над фолиантами уже ушедшего в лучший из миров учителя – решительно махнула рукой, давая двери сигнал отодвинуть засов.

Та, скрипя сердцем и петлями, повиновалась и, оглушительно скрипя, будто жалуясь на несправедливость жизни, распахнулась-таки навстречу столь дерзко тревожащему ее покой. Не говоря уж о покое госпожи ректора.

За дверью никого не было.

Удивленная донельзя Квини, которая успела вернуться к своему столу и принять строгую позу, усевшись на старинный стул с прямой и чересчур высокой для нее спинкой, который все никак не удосужилась поменять, привстала и во все глаза уставилась в пустое пространство.

Дверь, удивленная не меньше, постояла с открытыми створками с пол минуты, и, повинувась сигналу руководства, опять захлопнулась.

Госпожа ректор недоверчиво огляделась, и вдруг заметила, что недалеко от ее стола, ближе к окну, убранному строгими темно-зелеными шторами с янтарными проблесками, явно некое пространственное искажение.

Искажение чуть заметно мерцало, и на лице Квинни появилась озорная улыбка. Она подошла поближе, и строго сказала:

– А ну-ка, девочки, покажитесь!

И через мгновение на месте искажения появилась девочка с темными волосами, заплетенными в две косички, и се-

рыми, штормовыми глазами. Девочка была одета в удобные синие джинсы с кармашками, а на ножках у нее были белые кроссовочки с разноцветными шнурками.

Она обиженно надула губки и сказала:

– Ну, бабушка! Так не честно. Зачем ты меня первая увидела?

Квини рассмеялась, и обняла внучку. Та еще чуть пообижалась для порядка, а потом прямо растаяла в ее объятьях.

– Ты что же, одна сегодня? Почему мама меня не предупредила? – леди Квинния все-таки спросила, и постаралась сделать это как можно более строгим голосом.

Глазки девочки забегали, она заволновалась и поджала губки:

– Понимаешь, бабушка... Я... Не сказала маме, вот. Я думала, что не получится ничего, просто попробовала разок, и все.

– Но ты ведь ей не скажешь, нет? – и девочка посмотрела на Квинни таким умоляющим взглядом, что как тут откажешь?

– Но только первый и последний раз, Леони, хорошо? – очень ласково произнесла леди Квинния.

И Леони сразу согласно закивала, потому что такой ласковый голос бабули говорил о многом. Например, о том, что на следующий раз мама точно узнает о ее проделках все, и тогда прощай поездка на море в конце лета.

А Леони так любила море! Никто на свете не любил его так, как она, никто-никто.

Тут девочка пошла в папу, который в детстве все каникулы проводил именно там, бродя по уединенным бухтам и вглядываясь в далекую морскую даль. Задумчивый был паренек, серьезный.

Леди Квинния смотрела на внучку, и думала, какие же дисциплинарные меры тут можно применить. На самом деле уж как ей хотелось взять девочку за руку, плюнуть даже на разбор манускрипта, и отправиться в свою любимую кондитерскую, которую и внучка обожала ничуть не меньше.

Но нельзя. Квинни вздохнула, и строго сказала:

– Милая, ты ведь понимаешь, что я должна отправить тебя назад?

Леони нахмурилась, но кивнула головой.

– Понимаю, ба... Но только после кондитерской, договорились? – и маленькая шантажистка глазами, полными непролитых слез, с умоляющим выражением на треугольном личике уставилась на Квинни.

– Знает же, паршивка, на что надавить, – улыбаясь про себя, но внешне стараясь держать на лице строгое выражение, подумала ба.

Дело в том, что Квинни была и сама весьма не чужда таких посещений, и именно этой кондитерской. Никто больше в округе не мог приготовить столь изумительных профитролей с заварным кремом, с добавкой корицы и чуть-чуть миндаля.

Обе, и бабушка, и внучка страсть как их любили.

Вы скажете, ну что такое эти профитроли, когда ребенка надлежит воспитывать, а вовсе не потакать таковым вот его желаниям? Но я почему-то уверена, мои дорогие читательницы, что вы не скажете ничего подобного.

Конечно, вы знаете, что бывают моменты, когда воспитание можно отодвинуть и подальше. Тем более, что это, как считала не без оснований леди Квинния, задача родителей, а вовсе не бабушки.

Задача бабушки – баловать. Вот какие мысли таились в глубине души у Квинни. Конечно, она никому их не озвучивала. Госпожа ректор, под руководством которой вполне себе процветала Академия Эмпатов, лауреат Лонельской премии в области теоретической магии, и такие вот мысли.

Воспитание подрастающего поколения на благо Лонелии – вот каковые мысли должны бы занимать ее ум.

На самом же деле Квинни с глубочайшей радостью сбросила бы тяжесть подобной миссии со своих плеч. Никогда-то ей и в голову не приходило желание занять пост ректора или другой какой руководящий. Тут столько нужно еще разобрать манускриптов незабвенного учителя! Столько собственных трудов ожидают ее свободной минутки!

Да какой минутки, тут время нужно, время!

Но вот пришлось принять на себя этокое бремя. Совет слезно просил, подменить ушедшую на покой прежнюю госпожу ректора, буквально вот на несколько месяцев. Пока не найдут подходящего человека.

И эти несколько месяцев превратились вот уже в полтора года, не дать соврать.

Госпожа ректор в сердцах выпрямила и без того прямую спину, и пошла на поводу у внучки.

В конце концов, внучка у нее одна.

– Ах ты же хитрюга, знаешь, чем бабушку взять, – с улыбкой сказала Квини, увидев, как зажглись радостью глаза девочки.

– Давай-ка, быстро переодевайся, и вперед, – продолжила она.

Переодеться было необходимо. Ну что за вид был у ребенка? Эти синие широкие штаны, эти нелепые белые башмаки. Нет, в герцогстве Лонельском девочки так не ходят.

Конечно, в другое время, чего греха таить, и сама Квини с удовольствием носила бы такие вещи. Да и носила, целых семь лет, когда благодаря упорству Фемини-младшего угодила на Землю.

С радостной улыбкой ребенок кинулся к столу, быстро выдвинул нижний ящик, где как раз для подобных случаев хранилась необходимая на выход одежда.

Ничего особенного.

Обычный комбинезончик, изумрудного, особенно любимого девочкой тона, с пышной юбочкой, и миленькие туфельки из замши, расшитые белыми жемчужинками. Именно так было принято одевать девочек на Лонелии.

Мгновение, другое, и вот уже перед леди Квиннией стоит

обычный ребенок, ничем не отличающийся от любого другого.

– И Слава Сияющей! Меньше отличий, меньше вопросов, меньше проблем, – который раз уж подумала Квини.

Конечно, ее родной мир был не столь дик, как эта Земля, на которой ей пришлось жить, того не желая, но зачем лишний раз привлекать внимание? А одежда девочки, однозначно, внимание привлекала.

А там и вопросы пойдут.

Сначала, как водится:

– О, что за ужасные вещи на вашей девочке! Как такое можно носить?

Потом:

– А интересный крой... И обувь... Весьма, весьма необычна.

И наконец:

– Где вы одеваете свою девочку? Говорят, такие вещи сейчас очень модны, и удобны чрезвычайно.

Знала Квини такую особенность дамских разговоров. А как тут скажешь, где взяла да откуда?

До сих пор никто ведь так и не дал «добро» на контакты с не магическими мирами, коим, как ни крути, а Земля являлась.

Предаваясь таковым раздумьям, леди Квинния, тем не менее, споро навела порядок на своем столе, закрыв манускрипт и убрав его на положенное место.

Взяв Леони за руку, она подошла к двери, которая, чуть скрипя, раскрылась перед ними и, выпустив пустившихся в загул бабушку и внучку, захлопнулась с чуть более громким звуком, чем обычно, выражая тем самым протест против нарушения правил.

Редкая аккуратистка была. Раз сказано: работать до шестнадцати, так и соблюдайте регламент, леди.

Глава 4

Взгляд назад.

А теперь, дорогие мои читатели, вернемся на назад.

Ведь именно тогда девушка попала в наш мир, и встрети-
лась с Володей.

Шел первый день пребывания нашей Квини в другом ми-
ре. Владимир Савельев ведет девушку в ближайший насе-
ленный пункт, коим являлось небольшое село Прирядье. Со-
вершенно рядовое, ничем не примечательное.

Именно здесь осел Володя, когда, к великому своему со-
жалению, покинул родное НИИ. Пришлось.

А куда деваться? Эти неожиданные приступы, которые
могло спровоцировать все что угодно, совершенно не спо-
собствовали его работоспособности.

НИИ же с почетом отправило его «по собственному же-
ланию» восвояси, горько о том сожалел.

Вова же, после этого события, свалился в очередной при-
ступ и провалился дома два дня, периодически блюя в тазик
с водой.

На утро третьего дня он открыл глаза, и понял, что, по-
жалуй, жизнь продолжается. Голова была ясная и пустая. И
очень есть хотелось.

Он встал, пошел в ванную и посмотрел в зеркало, все в
мушиных точках и потеках от зубной пасты, на свою помя-

тую физиономию. Включил контрастный душ и с наслаждением постоял под его упругими струями.

А потом отправился на кухню и заварил крепчайший кофе, который стал пить по глоточку, запивая каждый холодной водой.

А выпивши, сел в глубокой задумчивости о своем дальнейшем житье – бытье. Житье-бытье представлялось Вове размытым белым пятном. Всю жизнь он трудился, используя исключительно серые клеточки.

Похоже, наступил период, когда нужно что-то менять. Однако кроме того, как писать охренительно сложные уравнения и делать невероятной же сложности расчеты он ничего не умел. И решил наш Владимир начать жизнь заново.

Неожиданно он вспомнил, что в селе, название которого так и вертелось на языке, покойный дядька оставил ему дом. В доме том Владимир бывал редко, а последний раз года два как назад, не раньше.

Тут у Вовы в голове щелкнуло название:

– «Прирядье!» – и он развил бурную деятельность, замутив свой ноутбук. Тот долго не выдержал, и выдал всю информацию, каковой владел. И информации той было мало-вато.

– Да и неудивительно, рядовое село, кто ж будет вносить данные в базу, – подумал Вова, и руки у него прямо зачесались, желая внести хоть что-то. Безусловно, для такой головы, как у него, это вообще не работа.

– Так, – сказал себе мужчина, поправляя очки в темной оправе, которые делали его похожим на солидного профессора. Очки эти остались на добрую, как говорится, память от его недолгого пребывания в Силиконовой долине,

– Так, что мы имеем? А имеем мы село Прирядье, порядочное-таки по сегодняшним меркам. Сто домов это тебе не хухры-мухры. И чем же занимаются жители сего славного места? – и он внимательнейшим образом кинулся изучать всю доступную информацию.

Занимались жители в основном сельским хозяйством, выращивая картофель, свеклу кормовую и капусту.

Прочитав сии сведения, Вова загрустил. Вот как-то слабо он представлял себя, выращивающим картошку.

Однако выбора у мужика не было. Хорошо еще, что денежки, которые ему выплатили, включая отпускные и даже премиальные, лежали почти нетронутые.

Так что, заглянув в кошелек, и в сбербанк онлайн, Вова стал собирать вещи, и через денек отбыл, предусмотрительно закрыв форточки и занавесив окна.

Село Прирядье встретило мужика не ласково.

Холодный морозящий дождь и проселочная дорога, вся в рытвинах и колдобинах, завывающий периодически ветер так и подгонял его в спину, залезая под фирменную куртку, оставшуюся еще со Штатов.

– Лето называется... – пробурчал недовольно Владимир, и тут неожиданно увидел дядькин дом.

Немного покосившийся, с заколоченными окнами и навесным замком на входной двери, он будто сам вышел ему навстречу, выглянув из-за поворота.

Забора вокруг него, считай, и не было.

Зиял провалами штaketник, крапива бурно росла и уже зацветала, вездесущий вьюнок обвивал все, до чего мой дотянуться, и штaketник розовел и местами синел от обилия его цветов.

– Веселенькое место, – подумал Вова, – как раз подходящее для бывшего физика-теоретика.

При слове «бывшего» в сердце кольнуло.

И Владимир вздохнул, глубоко, как только мог, а потом произнес вслух:

– Фига се! Бывших физиков не бывает! – и вот как-то от этих немудреных слов на душе у него полегчало.

Вова подошел к дому и, покопавшись в здоровом и тяжеленном рюкзаке с множеством карманов, вытащил ключ. Тяжелый навесной замок умудрился покрыться налетом вездесущей ржавчины, и в сердце мужика зашевелилось сомнение.

– А ну как и изнутри эта пакость пожрала механизм?

Наш бывший физик, готовый к самому худшему, вставил в скважину ключ. Самое худшее в представлении Вовы была ночевка на улице, если замок заржавел, и открыть его не удастся.

Ключ вошел в скважину с трудом, и поворачиваться отка-

зался наотрез. Мужчина, как представитель профессии интеллектуальной, налег на него со всей силою, какую только мог собрать. Судя по всему, силушки хватило, и замок, не выдержав такого издевательства над своими пострадавшими от повышенной влажности внутренностями, просто развалился на две неровные части.

Вова вытер пот со лба, и на лице его даже появилось нечто, похожее на улыбку.

– Ну, начало положено. На улице ночевать точно не придется, – с удовлетворением подумал наш физик-теоретик, хозяйственно убирая остатки замка в сторонку. Он потянул дверь за обычную деревянную ручку, которая пережила все годы-непогоды значительно лучше замка, и даже практически осталась на месте, только чуть-чуть покосилась.

Дверь, как и положено двери в заброшенном на столько лет доме, недовольно заскрежетала и заскрипела, но напору мужских рук, кои были вовсе не так и могучи, поддалась.

А куда ей деваться? Работа такая.

Володя шагнул в темноту, и нащупав слева у входа выключатель, вдавил кнопку внутрь. Однако светлее не стало.

Мужчина удивился и даже несколько опечалился.

– Неужели электричество отключили? – в сердцах сказал Владимир, и сел на свой тяжеленный рюкзак, который умудрился затащить одной рукой в открытую почти настежь дверь.

Очевидно, это событие пошло мужчине на пользу. Потому

что он вспомнил, что нужно же пробки ввинтить!

На душе у него повеселело, потому как смартфон почти разрядился, да и ноут, который он, безусловно, взял с собой, нужно было подключить.

Владимир потер руки, рискнул включить фонарик на телефоне, и, подсвечивая себе, пошел искать пробки. Нашел. Видно, несмотря на то, что он давненько тут не бывал, что-то в памяти осталось.

– Да будет свет, сказал поэт! – велеречиво произнес мужчина, закручивая пробки на их законное место. И стоило только щелкнуть выключателем, который был покрыт тонким слоем пыли и окутан паутиной, как свет зажегся и осветил теперешнее Володино жильё.

Ну, что сказать.

Жильё было весьма неплохое, а по деревенским меркам, так и почти роскошное. Несмотря на внешний неказистый вид, внутри имелась даже душевая кабина! Вова вспомнил, что ведь как раз он и заказал ее, тогда, два года назад.

– Ничего себе, как это я умудрился забыть?! – с великим удивлением подумал мужчина, и потер лоб. Он почувствовал, как внутри поднимается волна понимания, а за ней другая – стыда и отвращения.

Володя понял вдруг, что за эти приступы, которые накачивали иной раз совершенно без предупреждения, он просто себя ненавидит:

– Боже мой! И ладно бы, будь я женщиной, так куда ни

шло.

Но мужчина, ученый с чисто женскими, как я всегда думал, мигренями, это нонсенс.

И Володя постарался затолкал эту унылую мысль куда подальше, в неведомую глубину подсознания. Куда она и ушла, провалившись как в омут.

А физик наш постарался взбодриться, и пошел разбирать рюкзак, то и дело прислушиваясь к себе. Временами перед приступами у него начиналось мерцание в глазах. И это было за великое благо, потому что тогда он, наученный горьким опытом, просто шел и ложился в кровать.

Конечно, с мокрым полотенцем на голове и наглотавшись таблеток.

Пока все было тихо. Голова вела себя вполне прилично, что было даже странно. После раннего подъема и дороги с тяжеленным рюкзаком можно было ждать от нее всего.

Поблагодарив создателя, Володя первым делом вытащил упакованный в сумку ноутбук, и любовно установил на письменный стол, покрытый старой клеенкой в сине-белую клетку.

Не очень чистой, а попросту грязной, покрытой пылью и древними разводами от пролитого чая, судя по всему. Володя их практически и не заметил. Несмотря на очки, которые он носил, внимание его в основном было сосредоточено внутри.

Его мозг, надо сказать, до сих пор бился над одной теори-

ей, которую не могли выбить из головы ни проклятые мигрени, ни увольнение, и даже не решение начать новую жизнь.

Да и как это возможно?

Человек, рожденный музыкантом, даже когда учить его музыке некому и условия не позволяют, все равно мыслит не так, как человек, рожденный художником.

А уж если ты родился с повышенным айкью, и с налету в возрасте десяти лет решал задачки для первого курса физфака, а Володя был именно таким, то как может какая-то мигрень изменить структуру мозга, полученную от рождения?

Усложнить жизнь могла, это верно.

Но переключить от любви к теоретической физике на тоже художественное поприще?

Хотя чего только не бывает на белом свете.

Вот каковым размышлениям предавался Володя, которого все-таки немного потряхивало. Нервы, нервы, господи.

– Все от нервов, как говорят медики. И мигрень эта паршивая наверняка тоже от них, – подумал мужчина, который боролся с ней уже два года.

Почти с того самого момента, как он из штатов вернулся.

За ноутом последовали вещи, необходимые, как полагал Владимир, для жизни в селе. Двое пар поношенных, но крепких джинсов, три свитера, дождевик.

Поскольку на дворе стояло лето, даже такое специфическое, как в этом году, никаких вещей мужчина больше не привез.

А лето действительно стояло, совсем не похожее на нормальное.

Нормальное – это когда тепло стоит месяц, другой.

А нынешнее – неделю жара, десять дней холодина и дожди проливенные.

Не то чтобы Володя был так уж зависим от таких сюрпризов погодных, честно сказать, он их раньше редко когда и замечал, но погреться в лучах солнышка любил.

Хотя, с этими мигренями, пожалуй, что и приобрел метеозависимость.

Частенько Вова вспоминал свое детство, в котором однозначно трава была зеленее, солнце светило ярче и грело дольше, и, колбаса была колбасой.

И мороженое! Мороженое было мороженым.

Наш физик-теоретик, который просто не мог быть никем другим, мороженое любил как редко какой мужчина, и разбирался в нем также хорошо, как и в теоретической физике.

Тут Володя затряс головой, пытаясь таким образом отвлечь свои мысли от любимого продукта, потому как в такое время его точно не найдешь, да и с селом по утру надо познакомиться.

– Решено! Вот умоюсь с дороги, и сразу в кровать, – объявил мужчина, и направился умываться.

Однако умыться так сразу не удалось. И не так сразу тоже.

Вода просто отказывалась литься из крана, и, несмотря на наличие душевой кабины, толку от нее был ровный ноль.

Володя плюнул с досады, и, скинув подмоченные дождем кроссовки, натянул старые дядины резиновые сапоги.

С неохотой вышел на крыльцо и в удивлении замер.

Глава 5

Дождь, который все это время нудно лил, заменяя календарное лето натуральной осенью, прекратился. Над землей стояла дымка, и воздух был напоен такими ароматами, что у непривычного горожанина закружилась голова.

Закружилась, и мужчина ухватился за косяк, уже готовясь к очередному приступу. Однако, к его глубокому изумлению, никакого приступа не последовало. Толстая злая игла со всего размаху не проткнула оба виска, как это бывало обычно, вызывая тошноту и желание просто лечь и помереть.

Вовсе нет.

Головокружение постепенно прекратилось, и Володя открыл глаза, все еще придерживаясь за дверь.

А потом решительно ступил в окружающий его необычный мир, вдыхая непередаваемые запахи. Мир встретил его недовольным кваканьем лягушек, приснувших из-под сапог, и напугавших бравого физика до смерти.

Он схватился за сердце, высказался, как обычно в таких случаях высказывается любой русский человек, независимо от степени образования и общей культуры.

Словесная формула, веками используемая в быту, помогла.

– Брысь! – даже крикнул Володя вслед лягушкам, которые издевательски квакнули и бодро поскакали к ближайшей лу-

же, не сильно-то и испугавшись нового хозяина.

А Володя отдышался, постоял на этом воздухе мину-ту-другую, и все-таки повернул назад.

– Темно. Кто его знает, что там еще под ноги попадет, – подумал мужчина, который был далек от разного рода жителей окружающей среды.

У самого крыльца он каким-то непонятным образом углядел старую железную бочку, подставлявшую свои покрытые ржавчиной и вмятинами бока под свет Луны, проглядывающей между облаков.

– Для полива дядька держал, – вспомнил вдруг Володя, и направился прямо к ней, желая-таки хоть лицо и руки ополоснуть.

И только он опустил руки в воду, которой бочка была полным полно, как вездесущие лягушки, которые тут, судя по всему, жили вольно и припеваючи, с недовольным уханьем и гортанным кваканьем рванули в стороны из-под ног, заставив мужчину сесть пятой точкой, одетой в приличные джинсы, прямо в мокрую траву.

– Будь проклят тот день, когда я решил поехать сюда! – возопил злой и промокший физик-теоретик. Он встал, отряхнулся, как дворовый пес, попавший под дождь, и неожиданно рассмеялся.

– Вот тебе, Вова. Хотел умыться с дороги? Получай ванну! – мужчина смеялся долго, а лягушки испуганно замолчали. Они были явно недовольны появлением чужака в их

вотчине, который осмелился перебить их любовные трели.

Наконец Володя успокоился и, желая поскорее снять промокшие фирменные джинсы, внимательнейшим образом глядя под ноги, пошел к крыльцу.

Без происшествий поднялся по ступенькам, и вошел в освещенный коридорчик.

В доме пахло.

Не сказать, чтобы совсем уж нехорошо, но после свежего, напоенного ночного воздуха запах был затхлым. Пахло сыростью и где-то нестиранными носками.

– Странно, – подумал мужчина. Потому что раньше он этого запаха не замечал. Но и не удивительно. Два года дом стоял закрытым, откуда взяться свежести?

– Завтра все промою. Окна открою, двери, – хозяйственно подумал, зевая, новый собственник жилья, и пошел готовиться ко сну.

Спать ему предстояло на древнего вида кровати с пружинным матрацем и стальными боковинами со стальными же шариками верху.

– Раритет, однако, – подумал Володя, и с сомнением присел на кровать. Кровать выдержала нового жильца с честью, и только пружины жалобно тренькнули, намекая, что лучше бы их не нагружать непосильной работой.

Володя их понимал, но помочь ничем не мог, ибо сия кровать, былая гордость еще матери дяди, имелась в единственном числе. Правда, у стены стояло кресло, на котором, как

помнилось Володе, он пытался заснуть в прошлый приезд, три года назад.

Кресло разбиралось, и все бы хорошо, да только тогда голова у мужчины оказывалась ниже ног. Как говорится, старость – не радость. Потому что кресло было, судя по всему, постарше кровати. Хотя по внешнему виду и не скажешь.

Потому что дядька в свое время обтянул его новой клетчатой тканью, которая выглядела вполне себе прилично. Однако вот нутро подкачало, да.

И Володя, вздохнув, решил рискнуть и на этот раз лечь на кровати.

Вот такой у него был выбор, что называется, между хреном и редькой.

Хрена мужчина уже попробовал, теперь его ждала редька. – Что ж, – подумал Володя, стаскивая мокрые джинсы и вместе с ними мокрые же носки классического черного цвета.

– Что ж, – подумал он, оглядывая комнату и думая, куда же все это деть. И, не найдя ничего лучшего, аккуратно развесил на боковинах кресла.

– Что ж, по крайней мере, здесь экология. Это раз. Магазины далеко. Это два. О! Есть вода. Правда, на улице. Это три, – и наш физик-теоретик, таким образом себя успокоив, пришел в относительно благое расположение духа.

Оставшись в одних трусах типа «боксер», он подошел к кровати, которая сияла металлическими шарами на спинках,

и плавно опустился в ее недра.

Недра недовольно поворчали, и, в наказание за непрошенное вторжение, попытались парой-тройкой пружин воткнуться в тощие бока Володи. Однако тот, оказавшись пусть даже в такой постели, заснул практически мгновенно.

Сказался стресс от всего пережитого, усталость от переезда, а, скорее всего, тот невероятной чистоты и насыщенности воздух, настолько богатый кислородом, который подействовал на горожанина почище любого снотворного.

И спал бы себе наш Володя и спал до самого утра, да не удалось мужику.

Не прошло и пары часов, как его разбудили звуки, которые и мертвого поднимут.

Где-то рядом стонал и завывал страдающий невыразимой тоской голос, полный неутолимой жадой общения, судя по всему, с прекрасным полом.

– Да чтоб тебя-я...! – простонал спросонья Вова, и, нащарив рукой сланец, запустил им в стену, что никоим образом на голос не повлияло.

Наоборот, тот, почувствовав внимание к своей персоне, взвыл еще истошнее.

– Приехал на воздух! И здесь от вас нет покоя! – с тоской произнес Владимир, сон которого был нарушен так нагло и беспардонно.

Мужчина сел в кровати и помотал головой, чтобы немного прийти в себя.

Голос залился с утроенной тоской, выводя такие рулады, какие и не каждый тенор сможет.

– Мря-яя! Мря-ууу! Муа-у-а-уу...

– И что же ему так неймется, боже мой, – простонал не вовремя разбуженный мужчина, – на дворе давно уже не март месяц...

На каковые его стоны обрадованный певец, на которого хоть кто-то, да обратил внимание, выдал еще одну рунду, высоты необыкновенной.

Володя, который к животному миру относился с большим подозрением, короче говоря, не жаловал он братьев наших меньших. Ну как, не жаловал.

Безусловно, как человек доброй души и тонкого душевного настроения, признавал право любого живого существа на существование.

Однако исключительно где-то там, в заповедных лесах и борах, кои должны же еще быть, хоть где-нибудь.

Но вот вопли одомашненных, замученных неволей и упорно жаждущих воспроизведения себе подобных, Вова не выносил.

Да и кому понравится, когда его разбудят такие жуткие рулады в самое темное время суток, когда только спать и спать?!

Певец же, явно соглашаясь с мужчиной, что да, не март на дворе, а вполне себе конец июня, издал уже совершенно леденящий душу вопль.

Вова подскочил.

Нашарил очки, и, решительно нацепив их на нос, опустил ноги с кровати. Пол неприятно охлаждал босые ноги, и мужчина заерзал, желая скорее воткнуть свои маленькие, совсем женские, ступни в сланцы, из коих ему удалось нащупать ногой только один.

Его товарищ валялся у стола, отскочив от стены на приличное такое расстояние.

– Ч-чертово животное... – Вова встал, и так, одна нога в сланце, другая босая, направился к столу, где его ждал второй сланец. И только он наконец оказался счастливым обладателем обоих, почувствовав, так сказать, разницу, как ноутбук, стоявший на столе, и упорно заряжавшийся, вдруг издал тонкий пищущий звук.

Володя остолбенел.

Звук этот был ему знаком. Обычная оповещалка, ничего особенного.

Да только сети тут не было. Ноут не был подключен.

– Тогда каким это, извините, макарон? – спросил Володя у окружающего пространства. Пространство ответило уже порядком доставшим «Мрр-ряя-у-уу!», очевидно, соглашаясь с мужчиной и безмерно же удивляясь.

Володя, не долго думая, подошел к непонятным образом ведущей себя технике, и откинул крышку.

Экран, как и следовало ожидать, был темен и никаких иконок на нем не светилось.

– Хмм... – подумал Володя, – хмм... – А не глюки ли у нас, господа?

Постояв так, глядя на темный монитор, он закрыл ноут в великом недоумении.

Замолчал и залетный кошка, избравший окрестности дядиного дома местом своего паломничества в поисках родственной души, не говоря уже о большем.

И ничто более не нарушало тишины глубокой ночи, царившей за окном.

Наш физик-теоретик постоял в глубокой задумчивости пару минут, и, все еще удивляясь, отправился на свое ложе.

Однако уснуть ему больше не удалось.

Мужчина неожиданно ощутил такое одиночество, которого не чувствовал уже давно.

Захотелось вдруг, как тому неведомому кошаку, завывать, отдавая всю накопившуюся горечь и все свое разочарование, всю свою боль окружающему миру, который, он был в этом уверен, примет в себя все, что бы ты ему не отдал.

Примет.

И эта уверенность давала Володе надежду, давала облегчение. Вот только завывать не получалось. Непривычны ему были таковые экзерсисы. Хотя читывал он в литературе, писали люди знающие, что вот очень полезно иной раз выпустить из себя груз негатива, накопленный, что и говорить, за годы жизни.

И всего-то Володе было под сороковник, а поднакопил,

что и говорить. Недаром и мигрени, похоже, начались.

Что значило это объяснение «ностальгия»? Володя совсем был не готов копаться в глубинах собственной души, но что делать, когда уже никак не уснуть?

Хочешь, не хочешь, а мысли, мои скакуны, принялись галопировать без остановки.

Будучи по жизни скорее одиночкой, Володя до сих пор не задумывался о семье. Для него существовала и была семья единственная. Наука.

Наука, которая занимала все его мысли и все его время. Он жил ею, жил для нее и ради нее.

Так почему сейчас на душе вдруг стало так тоскливо? Почему именно сейчас он почувствовал такое одиночество?

Да, его уволили. Это и понятно. Кому нужен работник, пусть даже гениальный, с такими вот приступами?

И мысль эта вдруг обожгла его душу так, куда там той крапиве. Телесная рана затянется, заживет со временем. А душевная?...

Володя позволил себе свернуться калачиком, и почувствовать себя совсем маленьким мальчиком. Тоже читал где-то, что такая поза помогает, дает защищенность и успокаивает.

– Похоже, это и на самом деле так, – подумал мужчина, натягивая на себя колючий клетчатый плед, чуть влажноватый, но теплый. Володя укрылся с головой, уткнувшись носом в эту колючесть, как когда-то, давным-давно, в небри-

тую щеку отца.

– Папа, – блаженно улыбнулся Володя, проваливаясь в сон без сновидений.

А когда наступило утро, неожиданно солнечное и теплое, его разбудил неугомонный солнечный лучик, щекоча и призывая вставать и радоваться новому дню.

Мужчина приоткрыл глаза, отмахнулся от лучика, который никак не желал прекратить его щекотать, но уже переместился со лба на щеки, где и остановился совсем ненадолго.

Володя сквозь ресницы, которые у него были длинные, прямо как у девочки, наблюдал за ним, в свете которого кружилось такое количество пыли, от которого мужчине поплохело.

Он сразу вспомнил про вчерашнее решение навести в доме порядок, но вставать не спешил.

Впервые за многие дни.

Глава 6

Лотания. Настоящее время.

Леди Квинни, крепко держа за руку степенно выступающую внучку, которой на самом деле очень нравились эти игры-переодевалки в кабинете у бабули, быстрым шагом удалялась по коридору в направлении выхода из Академии.

Ректору приходилось делать вид, что она очень, ну просто чрезвычайно занята. Иначе, если, грешным делом, попадется навстречу какой адепт, а, паче чаяния, магистр, и попытается завести разговор, так они из Академии выйдут не раньше, чем часа через полтора. Квинни познала сию истину на собственном опыте, а до закрытия любимого заведения оставалось всего ничего.

Для Леони, которая с интересом вертела головой, чтобы успеть рассмотреть многочисленные портреты отцов и, так сказать, матерей-основателей Академии, такая скорость была куда как неудобна.

Но спорить, а тем более просить бабулю идти помедленнее, умный ребенок и не пытался. Девочка прекрасно понимала, что та ничего зря не делает, и если идет быстро, значит – надо.

Конечно, уж как ей хотелось подойти прямо вот к каждому портрету и внимательнейшим образом изучить лица, которые, судя по всему, были совсем не против, и провожа-

ли девочку глазами, полными явно выраженной доброжелательности.

– Ничего, – думала Леони, – вот как-нибудь выберу время и приду к вам в гости. Прямо с альбомом. Сяду вот и буду рисовать ваши лица, и сохраню их, и унесу с собой. А дома доделаю, разукрашу, и развешу у нас в коридоре.

Девочка чрезвычайно гордилась своей бабушкой, и в тайне хотела пойти по ее стопам. Ну и что, что дара эмпатии у нее с гулькин нос? Вон, у бабушки его вообще нет. Бабушка совсем даже маг-теоретик! А вот все равно она ректор. Нет. Госпожа Ректор, вот.

Скажем честно, Леони тоже очень хотела быть ректором. Вот хоть какой-нибудь, пусть даже завалыщенькой, академии. Она бы тогда сидела в громадном кабинете, надевала на нос очки, когда никто не видит, и читала тот манускрипт в красивенном переплете, с тяжелыми бронзовыми застежками.

А когда кто-нибудь бы заходил в кабинет, она бы поднимала голову, и говорила бы что-нибудь типа: «я занята, зайдите попозже», или «вас много, а я одна». И испуганным посетители мигом бы извинялись, и уходили, оставив госпожу ректора заниматься важнейшими научными изысканиями.

Конечно, Леони и в голову не приходило, что бабуля спала и видела, как бы ей поскорее от этого ректорства избавиться. И даже посмеялась бы, не сильно и не очень заметно, чтобы не обидеть обожаемую внучку, над таковыми ее мечтами.

Но понять малышку поняла бы. Девочка представляла, что таковая должность дает максимальную степень свободы. Отсутствие какой-либо подотчетности. Что называется, делай, что хочю. А бедняжке приходилось с таких-то вот лет обучаться двум, вы только представьте, двум видам магии!

Квини и представлять не хотела. Она достаточно в свое время настрадалась даже от одного ее вида, настолько, что вынуждена была запереться в своем поместье на севере герцогства, и носа никуда не казать. Сколько? Да чуть не десять лет!

Тут парадная дверь Академии, к которой наши дамы споро подбежали, открылась, только их увидев, и выпустила за свои пределы.

На улице было тепло и тихо. Солнце потихоньку садилось за пики гор, на которых кое-где лежал снег, и посылало прощальные лучи всему живому. Воздух был свеж своей особой, вечерней свежестью, которую не спутаешь ни с чем.

Он пах подснежниками, ранними весенними цветами, которые давно уже отцвели, но вот аромат их так и витал. Возможно, потому, что воздух в горах совсем не тот, что, скажем в средней части герцогства Лонельского.

Зато и вечера здесь были вечерами, которые длились положенное им время, а не проносились за считанные минуты, чуть не пропуская вперед ночь. Вот такие вечера, ну и конечно, та уютнейшая кондитерская с вкуснейшими профитролями, куда они поспешали, и примиряли еще госпожу Рек-

тора с ее ректорством.

Узкая мощеная светло-серым камнем улочка, которая вилась вокруг холма, на котором высилось здание Академии, вывела двух наших жаждущих вкусностей дам к небольшому домику, всюсю сияющему огнями. На окошках, играющих роль витрин, был выставлен весь ассортимент.

Чего тут только не было!

И горки шоколадных конфет в ярких обертках, и различные виды крема в маленьких вазочках, украшенных ягодами, и разноцветные печеньки, соединенные по две вместе, а между ними...

О, между ними таился тонкий слой вкуснейшей пасты, приготовленной из плодов дерева Кило, растертых с орехами и медом.

Среди девушек определенного возраста этот десерт считался совершенно необходимым для ежедневного употребления, ибо, по слухам, обладал ярко выраженным омолаживающим эффектом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.